

**“ Он говорил о временах грядущих...”
(заметка Пушкина о вечном мире)**

Чрезвычайно любопытная заметка была набросана Пушкиным начерно по-французски в Первой кишиневской тетради (ПД 831)¹, но впоследствии оттуда им вырвана и ныне сохранилась под отдельным архивным номером ПД 284. Набросок этот обычно печатается под редакторским заглавием “О вечном мире”. Впервые он был опубликован, отчасти реконструирован, а также откомментирован Б.В. Томашевским, который указал и первоисточник пушкинских рассуждений: критический анализ Ж.Ж. Руссо проекта “вечного мира”, выдвинутого его старшим современником, аббатом Сен-Пьером.² В 1958 г. пушкинской заметке было посвящено обстоятельное исследование академика М.П. Алексеева, который осмыслил ее в широком контексте пацифистских футурологических трактатов XVIII - начала XIX вв.³

Заметка охотно цитируется в пушкиноведческой литературе в качестве яркого свидетельства вольнолюбивых чаяний поэта, но сама по себе, после Б.В. Томашевского и М.П. Алексеева, серьезному анализу не подвергалась. Однако, прежде чем поставить ее в контекст пушкинского творчества, совершенно необходимо уточнить как текст черного наброска, так и перевод его на русский язык.

“Сомнения вызывает, - справедливо отмечал М.П. Алексеев, - уже самый текст отрывка, особенно вторая, заключительная его часть. Хотя весь отрывок написан четко, уверенной рукой, но уже на первом листке белой текст с поправками переходит в черновой; так, второе из трех положений, которыми начинается текст, подверглось особенно сильным переделкам и включает в себе ошибку (оно вторично помечено цифрой 1). Дальнейшая запись велась с еще большей поспешностью: Пушкин не только зачеркивал, но и сокращал отдельные слова и фразы <...> В недописанной строчке на втором листе троеточие, заключенное в скобки, указывает, что она должна была быть пополнена цитатой и т.д.”⁴

Вопрос о цифровом обозначении трех начальных положений пушкинской заметки решается, на наш взгляд, вполне определенно. Начав ее полушутливым тезисом (и обозначив его цифрой 1), поэт

решил предварить его серьезным рассуждением общего плана, которое потребовало тщательной черновой отделки. Это рассуждение и было снова обозначено цифрой 1. Вслед за ним под цифрой 3 было сходу сформулировано положение, иронически продолжившее первоначальный зачин, в котором однако в силу стремительности записи осталась неисправленной цифра 1 на цифру 2.

Особо подчеркнем неудовлетворительность русского перевода пушкинской заметки, предложенного Большим академическим изданием и впоследствии обычно цитируемого в пушкиноведческих работах. Перевод этот в отдельных случаях прямо неверен по смыслу⁵, но главное - стилистически утяжелен, что искажает общую шутливую интонацию пушкинского опуса.

Поэтому мы даем уточненный перевод пушкинского наброска, реконструированного в соответствии с высказанными замечаниями:

“1. Конституции, которые стали великой - и не единственной - ступенью человеческого духа, стимулируют сокращение войск в государстве, так как принцип вооруженной силы прямо противоречит всякой конституционной идее; поэтому весьма возможно, что менее чем через 100 лет уже не будет постоянных армий.

<2>. Невероятно, чтобы люди со временем не поняли смешного зверства⁶ войны, как они разобрались с рабством, королевской властью и т.д. Понятно ведь, что нам нужно лишь есть⁷, пить и быть свободными.

3. Для великих же страстей и выдающихся военных талантов всегда найдется гильотина - общество вовсе не склонно любоваться грандиозными замыслами победоносного генерала - немало и других забот, ради которых мы поставили себя под защиту закона.

Руссо, недурно рассуждавший в качестве критика проекта, резонно замечает: “то, что полезно обществу, вводится в жизнь только силой, так как частные интересы почти всегда этому противоречат. Без сомнения, вечный мир в настоящее время весьма нелепый проект <...> воздадим должное этому прекрасному плану, но утешимся в том, что он не осуществлен, так как этого можно достигнуть только средствами жестокими и ужасными для человечества”. Ясно, что ужасные средства, о которых он говорил, - революции. Вот они и настали. Знаю, что все эти доводы очень слабы, так как свидетельство такого паренька, как Руссо, не выигравшего ни одной победилки, не может иметь никакого веса, - но спор всегда хорош, ибо способствует пищеварению. Впрочем, он еще никого никогда не переубедил”.

Далее в автографе следовала еще фраза “только глупцы думают иначе”. Она зачеркнута и вместо нее поставлена помета ^x, - указывающая на то, что здесь предполагалась какая-то вставка, нам ныне неизвестная.

Датируется пушкинский набросок примерно ноябрём 1821 г.: в письме Екатерины Орловой к ее брату, Александру Раевскому, от 23 ноября этого года, в частности, отмечено: “Мы часто видим Пушкина, который приходит спорить с мужем о всевозможных предметах. Его теперешний конек - вечный мир аббата Сен-Пьера. Он убежден, что правительства, совершенствуясь, постепенно водворят вечный и всеобщий мир и тогда не будет проливаться иной крови, как только кровь людей с сильными характерами и страстями, которых мы называем великими людьми, а тогда будут считать лишь нарушителями общественного спокойствия”⁸.

Можно понять, почему данный парадокс запомнился супруге боевого генерала, которого Пушкин и задирали. Но в системе изложенных в заметке тезисов вовсе не он был основным и итоговым. Хотя нельзя не признать, что, несмотря на серьезность политической программы, намеченной в черновом наброске, сам тон его оставляет несколько странное впечатление. Это нечто вроде застольной болтовни (Table-talk). Возможно, весь пассаж о Руссо (не отмеченный порядковой цифрой) - это слова не Пушкина собственно, а его собеседника; по крайней мере, ориентация на мнение собеседника, который с высоты своего военного опыта только и мог обозвать женеvского философа пареньком и штафиркой.

С какой же целью Пушкину понадобилось в шутовском ключе зафиксировать подобный спор о материях весьма важных и принципиальных?

Все встает на свое место, если мы вспомним, что именно к 1821 году относится начало работы Пушкина над своими автобиографическими записками, которые он, вероятно, и предполагал первоначально писать по-французски, так как язык русской “метафизической” прозы был, по собственному признанию, в ту пору для него затруднителен⁹. По справедливому замечанию Г.В. Краснова, в работе над записками “Пушкин шел от проб, от фрагментов, как идет художник к большой картине от этюдов”¹⁰.

Записки эти будут завершены уже во время михайловской ссылки и автором сожжены. “Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв, - позже свидетельствовал поэт. - Не могу не сожалеть об их потере: я в них говорил о людях, которые после сделались историческими лицами, с откровенностью дружбы или короткого знакомства” (XII, 310). В самом деле, стилистика

заметки о вечном мире вполне соответствует тону автобиографических записок, о котором мы можем судить хотя бы по дошедшему до нас фрагменту об “Истории государства Российского”. Ср.: “Некоторые остряки за ужином переложили первые главы Тита Ливия слогом Карамзина. Римляне времен Тарквиния, *не понимающие спасительной пользы самодержавия*, и Брут, осуждающий на смерть своих сынов, *ибо редко основатели республик славятся нежной чувствительностью*, - конечно, были очень смешны” (XII, 305).

Причин для иронии и в обсуждении проекта вечного мира было также предостаточно. Аббат Сен-Пьер заимствовал свои идеи на этот счет из проекта герцога Сюлли об организации “лиги христианских государей” против турок. Выкладки Сен-Пьера были наивны - недаром Руссо называл его “знаменитым писателем нашего века, книги которого изобилуют великими проектами и узкими взглядами”¹¹. И, конечно же, русские вольнолюбцы, касаясь подобных проблем, имели перед глазами зловещий опыт Священного союза, созданного для подавления революционных потрясений. Позже, в так называемой десятой главе “Евгения Онегина” Пушкин вспомнит о Лайбаховском конгрессе Священного союза (январь 1821) также вполне саркастически: “Я всех уйму с моим народом, - / Наш царь в конгрессе говорил”¹².

Подобные попытки государей договориться о защите своих интересов прекрасно выявлены в руссоистской критике проекта Сен-Пьера. Стоит привести некоторые из суждений Руссо на этот счет, - к сожалению, поистине неувядаемые:

“У королей или у тех, кого они ставят вместо себя, есть лишь два занятия, две цели – расширить свое внешнее владычество и сделать его более абсолютным внутри государства; все остальное или относится к указанному, или служит только предлогом: таковы *общее благо, счастье подданных, национальная слава* <...> народ стонет заранее, когда его властители говорят ему об отечественном попечении”; “Министры нуждаются в войне, чтобы сделать себя необходимыми, чтобы поставить государя в затруднительное положение, из которого он не мог бы выйти без их помощи, и чтобы скорее погубить свое государство, если потребуется, чем потерять свое место; они нуждаются в войне, чтобы предоставлять должности своим креатурам, наживаться игрой на бирже и втайне составлять тысячи отвратительных монополий; они нуждаются в войне, чтобы овладевать государем, когда против них при дворе создают опасные интриги. Все эти ресурсы министры потеряли бы при постоянном мире...”¹³

Потому-то монархическая идея “вечного мира” представляется абсурдной женеvскому философу. В его собственных суждениях о вечном мире, по наблюдению М.П. Алексеева, логическим центром является мысль о принуждении монархов к миру силой: “И тогда не придется более убеждать их, но принуждать, и не нужно писать книги, но подымать дружины”¹⁴. То есть речь идет о необходимости народовластия – в противовес попыткам, по словам Руссо, “доброго аббата Сен-Пьера – постоянно изыскивать мелкие средства против каждого зла вместо того, чтобы добраться до общего источника зол и посмотреть, нет ли средства исцелить все разом”¹⁵.

В том же направлении развивался и ход пушкинских размышлений. Его заметка о вечном мире впрямую соотносится с наброском (на французском языке) в Записной книжке (ПД 830, л. 40): “Орлов говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, революция в Португалии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона” (XII, 304). В концовке его оды “Наполеон” звучит та же мысль:

Хвала! Ты русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал...

“Эта строфа, - признавался поэт А.И. Тургеневу в конце 1823 г., - ныне не имеет смысла, но она написана в начале 1821 года – впрочем, это мой последний либеральный бред” (XIII, 79).

Мы упоминали уже о том, что пушкинская заметка 1821 года о вечном мире снабжена в конце пометой, предполагавшей некое продолжение. Можно понять, как бы были развиты намеченные здесь мысли, включенные в то время в состав автобиографических записок: указанием все на тот же “заветный жребий”.

-----

¹ См. факсимильное издание: Пушкин А.С. Рабочие тетради. Т.3. СПб.; Лондон, 1995. Тексты Пушкина цитируются по Большому академическому изданию с указанием тома и страницы.

² Томашевский Б.В. Пушкин и Франция. Л., 1960. С. 135-138.

³ Алексеев М.П. Пушкин и проблемы “вечного мира”// Алексеев М.П. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 174-220.

⁴ Там же. С. 178-179. Нам представляется, что М.П. Алексеев прав, толкуя сокращение *Cr. de proj.* как *critic de project* (то есть “критик проекта” аббата Сен-Пьера). Что же касается намеченной в наброске Пушкина цитаты из Руссо, то мы принимаем конъектуру Б.В. Томашевского, но с некоторой оговоркой: необходимо здесь опустить упоминание о Генри-

хеIV и его министре, герцоге Сюлли, не идущее к делу; кажется, пропуск в цитате из Руссо был обозначен Пушкиным графически; он пометил подразумеваемую вставку так:....(...), - то есть намечал некие изменения в избранной им цитате.

⁵ Особенно грубая ошибка содержится в переводе фразы: “Они увидят, что наше предназначенье - есть, жить (в оригинале пить) и быть свободными” (см. XII, 480). Порой эта ошибка усугубляется - ср., например: “...наше предназначение есть жить и быть свободными” (Трубецкой Б. Пушкин в Молдавии. Изд. 4. Кишинев, 1976. С. 86).

⁶ Возможно, в таком определении содержалась скрытая цитата из Вольтера, который говорил, что разум дан человеку не для того, чтобы опускаться до уровня зверей, “тем более, что природа не дала ему оружия, чтобы убивать себе подобных, ни инстинкта, побуждающего их сосать кровь” (Вольтер. Избранные страницы. СПб., 1913. С.98),

⁷ Сначала здесь Пушкин записал: “нам нужно лишь смеяться”.

⁸ Летопись жизни и творчества Александра Пушкина: В 4 т. Т.1. М., 1999. С. 264.

⁹ См.: Козмина Л.В. Автобиографические записки А.С. Пушкина 1821-1825 гг. Проблемы реконструкции. М., 1999. С. 38-39.

¹⁰ Краснов Г.В. Пушкин. Болдинские страницы. Горький, 1984. С. 123.

¹¹ Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения: В 2 т. Т.1. М., 1981. С. 230.

¹² В Большом академическом издании последняя строка прочитана (см. VI, 522) неточно: “Наш царь в покое говорил”.

¹³ Цит. по статье М.П. Алексеева, с. 191-192.

¹⁴ См. там же. С. 192.

¹⁵ Руссо Ж.Ж. Педагогические сочинения. Т. 1. С. 577.

*Литературные мелочи
прошлого
тысячелетия*

К 80-летию Г.В. Краснова
Сборник научных статей